

Социальная структура (стратификация) ростовских крестьян-огородников в конце XVIII – первой половине XIX вв.

А.Г. Морозов

Стратификация российского крестьянства всегда являлась объектом пристального внимания исследователей, особенно в советский период. В советской историографии традиционно, начиная с В.И. - Ленина, было принято считать, что в пореформенное время крестьянство находилось на стадии значительного расслоения: на зажиточных (кулаки), средних крестьян и бедняков. Считалось, что чем глубже их социальная дифференциация, тем больше предпосылок для социалистической революции. Отсюда некоторое преувеличение степени социальной дифференциации крестьянства в середине и особенно второй половине XIX в.

Как правило, группировка крестьянских хозяйств производилась на основании количества лошадей в хозяйстве или по площади посева¹. Однако данные показатели, с одной стороны, не являлись единственными показателями их доходности, а с другой – не подходили под характеристику крестьянских хозяйств огородных селений, особенно таких крупных, как Поречье и Угодичи, где лошади содержались как транспортное средство, по-городскому, а обработка земли велась вручную. При отмечавшемся в Ростовском уезде количественном недостатке скота, «упадке скотоводства» и минимуме надела нельзя сказать о бедности населения, приобретавшего значительную часть своих доходов вне сельского хозяйства данного региона, а именно от кустарных и отхожих как огородных, так и неземледельческих промыслов.

По социальной мобильности крестьянства в первой половине XIX в., для определения статуса каждого крестьянского двора И.Д. Ковальченко были выделены три группы дворов по хозяйственной состоятельности – бедные, средние и зажиточные². Данные вопросы рассматривались и В.А. Федоровым. Развитие торгового огородничества было тесно связано с углублением процесса расслоения крестьян-огородников. Об этом свидетельствуют, в частности, данные подворной описи с. Сулости за декабрь 1844 г. Ввиду того, что основным занятием крестьян было не хлебопашество, а огородничество, все дворы, за исключением 17-ти бобыльских, распределены им на следующие три группы: дворы, огородное хо-

зяйство которых носит предпринимательский характер; дворы, получающие основной доход за счет найма на огородных работах; дворы, где огородничество не носит предпринимательского характера и соединено с «земледелием» как главным занятием двора. Опись не содержит сведений о размерах огородных хозяйств; в ней есть лишь данные о размерах годовых заработков только для I-й и II-й групп, у которых огородничество являлось основным занятием³.

Сгруппированные в таблицы данные подворной описи позволили В.А. Федорову сделать следующие выводы: в 40-х гг. XIX в. расслоение крестьян с. Сулости приняло отчетливо выраженный социальный характер. Меньшинство – 32 двора, или 14,9%, превратилось в огородников-предпринимателей, а для половины крестьян – 104 двора, или 48,4%, основным источником существования была продажа своей рабочей силы. Заработки дворов I-й группы превосходили заработки второй в среднем более чем в три раза. При учете, что средний годовым заработок подавляющей части дворов II-й группы – 64 из 104, т.е. 62%, составлял 55 руб., то размер его по сравнению с заработком богатых окажется меньшим в пять раз. Богатые огородники лучше были обеспечены и скотом: лошадей на двор у них приходилось в два раза больше, чем у крестьян других групп; больше они имели коров, телят, свиней, кур⁴.

Таким образом, исследователь произвел группировку крестьянских хозяйств на основании двух показателей – величины дохода и купли-продажи рабочей силы. Отметим, что сам помещик, С.М. Голицын, вводя в 1820-1830-е гг. дифференцированные нормы оброка по пяти группам дворов, несомненно, делил крестьянские хозяйства по величине заработка на богатых крестьян, крестьян «первой степени», «второй степени», «третьей степени» и «бедной степени»⁵.

В с. Поречье к началу XIX в. крестьяне разделялись по своей состоятельности и «по благонравию» на три группы: «благоприспособные», или «первостатейные»; «средние»; «порочные». Они отмечались в специальной книге вотчинного правления. Такое положение подтвердил введенный графом В.Н. Паниным с января 1845 г. «разрядный список», деливший крестьян на – «состоятельных, менее состоятельных и недостаточных». Предписывалось доставлять в главное правление из вотчин информацию о всех крестьянах, особенно бедных и дурного поведения⁶. В первый разряд включались крестьяне, обладавшие большим состоянием, трудолюбием и умом. Из них выбирались главные должностные лица – бурмистр, старосты, уполномоченные агенты и др. Во второй разряд входили лица среднего достатка, на которых возлагались второстепенные должности. В третий разряд были вписаны самые бедные и ленивые⁷.

**Соотношение численности домовладений по трем группам крестьян
в с. Поречье:**

Домовладения:			
Период	бедные	средние	зажиточные
1800-1830 гг.	16%	61%	23%
1831-1860 гг.	18%	60,6%	21,4%

Возможность перевода крестьян из одного разряда в другой по усмотрению помещика и общины, с одной стороны, и желание крестьян оказаться в высших разрядах, с другой, стимулировали исправление нравов и, в целом, способствовали подъему хозяйства. Так, 15 января 1826 г. домовая контора информировала бурмистра с. Поречья Василия Самойлова о том, что положительно рассмотрела вопрос «о возведении крестьянина Петра Кочешкова в звание лучших людей»⁸. Таким же образом крестьянина могли лишить данного звания за проступки, особенно если он занимал общественную должность. Например, 19 августа 1827 г. контора уведомила бурмистра Самойлова «...об исключении из звания лучших людей бывшего борисоглебского бурмистра Ивана Елкина за неприличные начальнику вотчины действия». Кроме того, Елкин был оштрафован на 25 руб. за клевету перед помещиком поречских крестьян Марзавина и Хайлова, разбиравших его дело⁹.

Когда представители состоятельной семьи замечались в расточительстве хозяйства, их сначала «усоветчивали», затем делали выговор. Если и это не помогало, то вотчинное правление отдавало имение под опеку или под присмотр родственникам. При смерти главы семьи к его имуществу и вдове с малолетними детьми до их совершеннолетия сельским сходом по их прошению также назначались два или три опекуна из уважаемых и зажиточных крестьян, которые предоставляли на сход ежегодный отчет о состоянии имущества¹⁰.

Процесс социального и имущественного расслоения сдерживался патрональной политикой помещиков, в полной мере отраженной в инструкциях по управлению вотчинами, уложениях¹¹. Помещики и общины предпринимали конкретные уравнивательные меры практически во всех областях крестьянской жизни: поземельных отношениях, налогах и повинностях, семейных разделах и даже в регламентации сферы отхожих промыслов¹².

Таким образом, социальная структура ростовского помещичьего крестьянства не была монолитной. В имущественном и социальном отношении оно не было достаточно однородно. Развитие товарно-денежных отношений усиливало процесс социального и имущественного расслоения. Среди крестьян образовалась группа зажиточных товаропроизводителей, которые становились предпринимателями-огородниками, торговцами-скупщиками, хозяевами кустарных заведений,

мелких и средних мануфактур. С другой стороны, появление значительной прослойки неимущих, потерявших возможность вести самостоятельное производство, жестко сдерживалось в помещичьих огородных селениях уравнительной прагматичной политикой патронирования помещиков, благодаря которой среди огородников было минимальное число обедневших хозяев. Наиболее внушительной оставалась группа средних дворов.

**

- ¹ Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). В 2 т. СПб., 2000. Т. 1. С. 125.
- ² Ковальченко И.Д. Расслоение оброчных крестьян центрального промышленного района во второй четверти XIX в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства в СССР. М., 1965. Т. 6. С. 177-182; Он же. О характере и формах расслоения помещичьих крестьян в России в первой половине XIX в. // Исторические записки. 1965. Т. 78. С. 85-149.
- ³ Федоров В.А. Возникновение торгового огородничества в Ростовском уезде Ярославской губернии (Конец XVIII – первая половина XIX вв.) // Вестник Московского университета. М., 1962. Серия 9. № 6. С. 58-60.
- ⁴ ГИМ ОПИ. Ф. 14 «Голицыны». Д. 3164; Л. 53; Д. 3169. Л. 79.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1263 «Голицыны». Оп. 4. Д. 153. Л. 191.
- ⁶ РГАДА. Ф. 1274 «Панины-Блудовы». Оп. 1. Д. 1268. Л. 15. 15 об.
- ⁷ Никольский Ф.Я. Поречье-Рыбное Ростовского уезда // ЯГВ. 1848. Неоф. ч. №№ 37-43.
- ⁸ РГАДА. Ф. 1273 «Орловы-Давыдовы». Оп. 1. Д. 986. Л. 30.
- ⁹ Там же. Л. 48 об., 49.
- ¹⁰ РФ ГАЯО. Ф. 113 «Поречское вотчинное и волостное правление». Оп. 1. Д. 5. Л. 157 об., 161; Д. 6. Л. 60 об., 87 об.; Д. 11. Л. 13 об., 16.
- ¹¹ РГАДА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 544. Л. 137 об.-138.
- ¹² ГИМ ОПИ. Ф. 14. Д. 3111. Л. 19; РГАДА. Ф. 1263. Оп. 4. Д. 281. Л. 27 об.